

ЧТО НОВОГО У ДРУЗЕЙ

ПРЕМЬЕРА СОСТОЯЛАСЬ 6 ЛЕТ СПУСТЯ

«Переходное общество», комедия ведущего драматурга ГДР Фолькера Брауна, шесть лет пролежавшая в столе, поставлена в берлинском «Максим-Горький-театре» и оценивается критикой как важнейшее событие сезона. Эта пьеса — явление остроактуального политического театра, который поднимает новые темы, критикует явления общественного застоя, ищет пути их преодоления.

В то же время комедия «Переходное общество» — редкость удачный пример литературной преемственности. Очарованный великолепным спектаклем того же театра «Три сестры» в постановке Томаса Лангхоффа, драматург Браун написал «продолжение» для тех же актеров и режиссера. В новый спектакль перешли даже некоторые детали оформления сцены: действие происходит в наши дни, но прошлое, как шуршащие под ногами прошлогодние листья, ежеминутно напоминает о себе.

...В большой комнате старинного особняка пекут и холодно: слишком высокий потолок, слишком много пустого места. Мебель, холодильник, телевизор расставлены небрежно, как случайные вещи временных жильцов — переселенцев. За обеденным столом хозяйка в строгом сером платье, поминутно раздражаясь, проверяет школьные тетради. Рядом ее сестры. Одна, в черных очках, отрешенно борю-

чет стихи. Другая, в белом спортивном костюме, сидит скорбившись, бессильно уронив голову на стол: у нее сегодня день рождения, но никого в семье это не волнует.

Да и какие могут быть праздники в этом доме, где все дышит явным презрением к «мещанским» понятиям о домашнем очаге, организованном быте? Тарелка макарон и пиво из холодильника — вот и все угощение. Старый дядя Вильгельм, задремавший было у телевизора, «осчастливил» новорожденную подарком — огромным старым глобусом. «Это весь мир!» — говорит он. «Зачем это мне... Я ведь все равно нигде не могу поехать!» — в голосе девушки звенит отчаяние человека, загнанного в тупик. Ее не утешают воспоминания о солнечной, цветущей Москве, где она родилась, так как сестры приехали в ГДР из Советского Союза, где более десяти лет жили в эмиграции их родители — коммунисты. В ГДР для жилья им предоставили виллу — бывшую собственность фашистского военного фабриканта. Отец занимал видное положение: год назад его с почестями похоронили на правительственном кладбище, а его именем назвали школу, в которой работает учительницей старшая сестра Ольга. У всех сестер фамилия Хёхст и русские, так хорошо известные всем «литературные» имена: сред-

няя — Маша, младшая — Ирина. Впрочем, для современного Берлина такие экскурсы в литературу не редкость.

Своей пьесой Браун говорит, что куда опаснее всех внешних «заборов» внутреннее преграды, возникающие в умах и душах людей, рожденные демагогией, приспособленчеством, всеобщим равнодушием, авторитарностью. Для героев Брауна разрушить их — важнейшее дело жизни, вопрос сохранения социалистического строя. Ведь они — дети революционеров-подпольщиков, и потому мухомеховская надежда на то, что «через 200—300 лет» все как-то изменится, их не устраивает.

Семья Хёхстов представляется зрителям как некая модель общества, которая по ходу действия претерпевает изменения. Учительница Ольга, старая дева с деспотическими замашками, мечтает о сильной власти, которая «заставляет испытывать счастье». Историк Маша слепнет от архивных документов, пытается спрятаться от жизни, не видя ее. Ее муж — доктор неизвестно каких наук, «занимается капитализмом», хотя никогда этот капитализм не видел: он не имеет своего мнения ни по какому вопросу. Маша не любит его. Ирина работает на телеграфе, но жизнь кажется ей бессмысленной, так как все до последней мелочи «определено государством» и че-

ловек «обречен плыть по течению». Известие о самоубийстве жениха Ирину не огорчает, она понимает, что никогда не любила его и вообще не способна любить. Их брат Вальтер — самодовольный директор завода, специалист по штурмовщине, играющий в самокритику, чтобы заставить рабочих работать сверхурочно. Преуспевающий карьерист на работе, дома он тиран и собственник, способный в приступе агрессивности стать просто опасным. Все говорят: как он похож на покойного отца! Ответственность за неправоту сына и пассивное угасание дочерей автор возлагает на старшее поколение.

Центральный образ пьесы и спектакля — дядя Вильгельм, великолепно сыгранный Альбертом Хеттерле, — воплощение несгибаемой стойкости и мужества коммунистов 20—30-х годов. Бесстрашный подпольщик, воевавший с фашизмом в Германии и в Испании, он всегда отстаивал свободу, а от него требовали слепого подчинения. Воспоминания Вильгельма о его бесконечных спорах с братом восстанавливают основные пункты внутрипартийной напряженной дискуссии, растянувшейся на десятилетия. Всегда ли побеждал в ней тот, кто прав? Вильгельму не предоставили убежища в СССР (вспоминается участь знаменитого актера-коммуниста Эрвина Гешоннека, который при Сталине был

выдворен из Москвы и попал в лапы гестапо), и победу 1945 года он встретил в фашистской тюрьме. Несколько позже Вильгельма объявили «врагом советского народа». А его дисциплинированный брат, молчаливый свидетель сталинских репрессий, сделал карьеру, став почетным гражданином.

Прошло какое-то время, и Вильгельма реабилитировали. Всю жизнь он боролся за революцию, совершаемую ради человека, ради любви к нему. Всю жизнь утверждал, что только постоянная борьба за свою внутреннюю свободу делает человека достойным революционных преобразований. На мой взгляд, в конечном итоге победителем в пьесе Фолькера Брауна оказался именно Вильгельм.

По ходу пьесы это почувствовали и начали наконец-то действовать и остальные персонажи, хотя поступки их принимают гротескную, символическую форму. Ирина положила дом — бывшую фашистскую виллу — и почувствовала освобождение от груза прошлого. Улыбнулась Ольга: «Горят тетрадки с диктантом...». Жизнь вырвалась из замкнутого круга. И хотя Вильгельм к этому времени перешел «последнюю границу», уйдя из жизни, сестры знают: обратной дороги в мир недоговоренностей и неправды нет.

Лидия ПОЛЕТОВА.
БЕРЛИН.